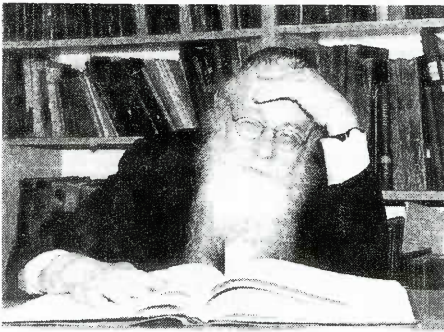

Жизнь как сон

Евреи, да и не только они, хорошо знают, что значит жить в диаспоре. Жизнь у себя дома, на родине, и жизнь на чужбине принципиально отличны между собой. В первую очередь потому, что жизнь в изгнании неестественна, она переполнена трудностей и проблем. Однако именно там человек может обрести подлинную свободу, неожиданную для самого себя.

Для людей нормально жить на родине. Их мышление, политическая активность, поведение в повседневной жизни - словом, вся их разнообразная деятельность там - естественны и являются само собой разумеющимися. Но, парадоксальным образом, свободный человек в своей стране оказывается в двойном плену: он ограничен не только границами своей родины, но и теми стандартами, которые задают ему нормальный ход повседневной жизни.

Жизнь в диаспоре ненормальна, ее можно уподобить сну. В основе любого сна лежат элементы реального мира - человеку не приснится то, с чем он так или иначе не сталкивался наяву, - однако связи между ними вполне могут выходить за рамки возможного. Так, во сне человек может с легкостью совладать с тем, с чем ему не под силу, проявлять качества, недоступные ему когда он бодрствует.

Разумеется, есть немало вещей, которых остаются недостижимыми для изгнанников, но все же в этом состоянии люди могут создавать на основе естественных для них реалий новые комбинации, которых не встретишь в "нормальном" мире. Пребывая за пределами родной страны, ощущая свою чужеродность окружающему обществу, мы поневоле увязаем в этом мире, где причудливо переплетены мечты и реальность. Изгнание способствует творчеству; немало людей, живя они на родине, никогда не развили бы в себе творческих способностей, скованные по рукам и ногам нормами и ограничениями своей страны.

В качестве примера можно привести судьбу Наполеона. Останься он на Корсике, он не стал бы императором Франции. Прадед Пушкина - что бы он делал у себя на родине? Зато в далекой России он стал армейским генералом, придворным, а его потомок - знаменитым поэтом.

В этом сне наяву люди не теряют, однако, свободу выбора: они могут направить свои новые возможности на добро или же обратиться к злу. Человек в изгнании может опуститься: достойная женщина - стать проституткой, честный мужчина - присоединиться к преступному миру. Часто такие

люди не понимают, что с ними произошло, кажется, что кошмарный сон выбросил их за пределы приличного общества.

Не только отдельные личности, но и целые народы, пребывая в изгнании, могут достигать того, чего не были бы способны добиться на родине. Там, в своем отечестве, живут философы, ученые, рабочие, крестьяне, разбойники и полицейские. В нормальной стране только 10% населения обладают интеллектуальным уровнем выше среднего и могут рассматриваться как носители культуры. Остальные - потребители, которые находятся на среднем уровне или ниже его и не испытывают никакого желания выйти за пределы знакомой им с детства среды. Но в изгнании люди вынуждены действовать неестественным образом, не так, как они вели бы себя на родине.

Я сравниваю жизнь в диаспоре со сном, поскольку она включает в себя множество иррациональных факторов. На чужбине люди могут изменить самих себя и достичь целей, о которых они и не мечтали бы, пребывая в своей стране. Когда в таком положении находится не один человек, но целый народ, как произошло с евреями, то, парадоксальным образом, исключение становится нормой. Неестественный образ жизни евреев в диаспоре сделал их гораздо более одухотворенным народом, чем те, нормальные, которые не покидали свою землю.

За время сна люди обычно видят несколько различных сновидений. Так и народ не может пережить один и тот же сон в течение двух тысяч лет, особенно если его представители живут в столь разных обществах, как Вавилония и Египет, средневековая Испания и капиталистическая Германия, мятущаяся Россия и раздробленная Соединенные Штаты Америки. Но ни в одном из этих обществ еврейский народ не переставал грезить наяву.

Еврейская "жизнь во сне" пошла на пользу всему миру. В среде нашего народа было множество талантливых людей, но основные достижения евреев не измеряются числом получателей Нобелевской премии и не сводятся даже к Священному Писанию. Речь идет о генерировании идей в самых разных сферах: религиозной, общественной, культурной и научной.

Разные народы, оказавшись в изгнании, не грезят об одном и том же. Их сны отличаются. К примеру, цыгане были кочевым народом в течение последних пятнадцати столетий. Для них главное - не принадлежать никакой стране, не быть связанными никакими границами, в этом они вполне преуспели. Но лишь очень немногим из них удалось стать писателями или учеными. Они не стали избранным народом, потому что не хотели этого. Известный физический и экономический закон, гласящий, что из ничего не создается нечто, применим и к человеческой жизни в целом: для того, чтобы стать избранным народом, нужно заплатить свою цену, но они не были к этому готовы.

В некоторых странах евреи грезили о единении с окружающими их народами, мечтали влиться в их культуру, перенять их мировоззрение. К примеру, так было в Германии XVIII-XIX веков, когда евреи стремились стать большими немцами, чем сами немцы, превосходя в патриотизме и в овладении местной культурой коренных жителей

страны. На протяжении короткого периода евреи являли собой наиболее активную творческую прослойку Германии. Гитлер вернул евреев к реальности.

Интересно отметить, что в этих потугах еврейской диаспоры в Германии отражалась типичная "логика сновидений": евреи хотели быть одновременно и такими же, как немцы, и все-таки иными. Так и спящему может присниться, что он стал животным, - во сне, превращаясь в монстра, не перестаешь быть человеком.

Сегодня перед евреями в Стране Израила стоит иная, хотя в чем-то схожая проблема. Что происходит, когда человек или народ возвращаются из изгнания? С одной стороны, восстанавливается естественный порядок вещей, с другой, многое из того, что во сне мнилось легко достижимым, оказывается невозможным наяву.

Разумеется, можно предаться грезам и на родной земле, пример тому - кибуц. Кибуцы создавались в соответствии с идеями Ганди и Толстого о важности физического труда и преемственности его над интеллектуальной деятельностью, а также на основе марксистской коммунистической утопии: "от каждого по возможностям, каждому - по потребностям". Было время, когда стать членом кибуца было так же сложно, как вступить в элитарный клуб. Там можно было встретить сапожников - докторов философии; цвет еврейской интеллигенции страны Израила работал в поле или доил коров.

Это не было нормальным существованием. Но сегодняшнее израильское общество, в которое входят, в том числе, дети и внуки этих людей, выглядит совсем иначе. В течение двух тысяч лет изгнания мы видели сны, да и первые десятилетия воссоздания нашей страны мы были подобны спящим. Теперь, однако, начался процесс пробуждения. И мы становимся нормальным народом. Каков же результат?

Евреи диаспоры находятся "в первых рядах" практически во всех сферах интеллектуальной жизни. Не случайно за последние пятьдесят лет из числа нескольких миллионов евреев диаспоры вышли свыше девяноста лауреатов Нобелевской премии. Иная ситуация с Нобелевскими премиями в Израиле, что неудивительно: в своем государстве евреям приходится заниматься не только интеллектуальным трудом, но и быть крестьянами, водителями такси, продавцами и дворниками, так что количество незаурядных людей в нем стремится к норме.

Герой одного из рассказов Томаса Манна - молодой писатель, который пишет о себе. Он горд тем, что отличается от других, однако постоянно и мучительно мечтает быть таким же, как все. Эта неоднозначность была присуща сионистскому движению с момента его возникновения. Ставя своей целью превратить евреев в "нормальный" народ, оно не утратило высокой мечты быть светочем для народов мира, оставаться не таким, как все. Кем же мы, евреи, можем быть? Кем мы хотим стать? Это и есть тот вопрос, который ныне поставила перед нами - каждым в отдельности и всем народом - история.

"Война - как бы вопреки прямой логике - разбудила все, что народ подсознательно из себя изгонял, в частности, антисемитизм. А для меня война определила ощущение двойной неугодности: я был неугоден как еврей, и я же был неугоден как немец. Причем я не ощутил больших неудобств оттого, что я имел немецкую фамилию и мог считаться немцем, чем оттого, что я был евреем. Война шла с немцами, но почему-то не приводила к дикой антинемецкости! Вот это - иррационально!"

"Я стал ощущать двойную чужеродность - как полунемец и как полугеоргиевец. Внешне это выразилось в том, что я - жид, кажущийся мальчишка на улице видел, что я - жид. Но я бывал и немцем в этих уличных ситуациях. Когда война закончилась, я, в общем-то, немцем вроде бы перестал быть, но евреем продолжал оставаться. И это не прошло, а сильно развилось, несмотря на отсутствие официального антисемитизма".

Из книги Александра Ивашкина "Беседы с Альфредом Шнитке"

Азбука Шнитке

Соломон Волков

Альф - так Альфреда Шнитке называли его московские друзья. Понятно, что случайно подобные сокращения не образуются. Мне представляется, что в этом как-то отразилась экзотика существования Шнитке посреди советского московского быта: как будто среди нас оказался бы пришелец с Марса.

Было в Шнитке, действительно, что-то от инопланетянина: большая, склоненная вверх голова, странная прическа; близко посаженные пугливые глаза на бледном лице сразу поразили и запомнились. Еще до всех своих неполадок с сердцем Шнитке двигался неуверенно, осторожно - словно постоянно примеряясь к чуждому земному притяжению.

Вообразить его участвующим в нашей светлой жизни было трудно, однако Шнитке в те годы - 60-е, начало 70-х - менее всего походил на затворника. Наоборот, я изумлялся, как это Шнитке поспевает повсюду: и в консерваторию, где он преподавал оркестровку, и на заседание в Союз композиторов, чтобы выступить там в поддержку своих друзей, и в экспериментальную студию электронной музыки, и на модную театральную премьеру, и на прием в западное посольство.

Где бы Шнитке ни появлялся, вокруг него сразу образовывался мини-водооборот узнавания, любовных взглядов и перешептываний: "Это же Шнитке! Как, Шнитке? Да-да, Шнитке! Тот самый, композитор?"

Да, чуть не забыл: он же еще успевал и музыку сочинять! Причем плодотворность Шнитке была поразительной: одна за другой следовали симфонии /на сегодняшний день их девять/, инструментальные концерты, сонаты... Шнитке - автор трех опер, нескольких балетов, сочинений для хора - много музыки!

Ее ждали, эту музыку, рвались услышать ее. В России тех лет она была нужна многим, ибо в тот момент осуществляла жизненно важную функцию: объединяла советских интеллектуалов. Музыка Шнитке награждала всех нас ощущением сопричастности к высокому и благородному искусству. Собравшись на премьеру очередного опуса Шнитке, мы осознавали себя членами одного секретного общества. Власти, чувствуя эту подрывную функцию музыки Шнитке, делали все от них зависящее, чтобы затруднить ей выход к аудитории. Это были настоящие игры в кошки-мышки.

Жестокость этих игр была изощренной, садистской. Если исполнитель включал произведение Шнитке в свой репертуар, то он мог ожидать кучу неприятностей, больших и малых. Нередко уже объявленные концерты отменялись по распоряжению "сверху". Министерство культуры отказывалось покупать опусы Шнитке, хотя музыка других, более разговорчивых и "удобных" авторов, оплачивалась щедро. А когда заказ на сочинение Шнитке приходил из-за границы, власти всячески пытались этому помешать. Если же и это не удавалось, культуру-бюрократы не разрешили Шнитке выехать на Запад на премьеру своего произведения. При этом композитора беспрестанно обвиняли в разных идеологических "грехах". Как комментировала одна наша общая со Шнитке знакомая: "Быют - и плакать не дают!"

Западные контакты Шнитке особенно раздражали советское начальство. Ведь оно стремилось тотально контролировать ситуацию, а подобное было возможно только при полной культурной изоляции. Шнитке был одним из первых советских композиторов, познававшихся с музыкой западного авангарда. Партитуры Пьера Булеза, Карлгейнда Штокхаузена, Анри Пюссера, Луджи Нони, которые Шнитке раздобывал с огромными трудностями, он немедленно покрывал своими пометками и комментариями, анализируя эту музыку тщательно и пристрастно. Шнитке хотел быть технически вооруженным по последнему слову, он стремился к тому, чтобы его сочинения вошли в общий ряд современной культуры. Для советских чиновников это было признаком "безродного космополитизма" Шнитке. В Советском Союзе словосочетание "безродный космополит" эвфемистически обозначало еврея.

Иудейство Шнитке, между тем, было весьма сомнительным. Отец его был евреем - коммунистом и атеистом, мать - немкой. Первым языком был немецкий, но родным своим языком Шнитке считал русский. Еврейского языка и обычаев он не знает. Вдобавок, в 1982 году, когда Шнитке было сорок восемь лет, он был крещен по католическому обряду.

Йога, оккультизм, каббала, китайские мистические прозрения ("И цзин") - чего только Шнитке не испробовал в поисках ответа на волновавшие его загадки жизни и смерти... Погружаясь в недра иррационального, он испытывал ужас, единственным спасением от которого представлялось приближение к христианству.

Католичество было выбрано Шнитке во многом потому, что его мать была крещена католичкой. Хотя он иногда говорит, что ува-

жает православную церковь больше, чем католическую. Запутанность отношений Шнитке с религией ставит в тупик даже его друзей с экumenистическими взглядами. Для Шнитке это проблема этическая, и психологическая, и культурная. Он пытается разрешить ее в своей музыке.

Людей, впервые сталкивающихся с произведениями Шнитке, прежде всего, поражает их эмоциональная напряженность. Это музыка полярных противоположностей, кричащих контрастов: громкое и тихое, высокое и намеренно пошлое, аскетически сдержанное и вызывающе роскошное. Все это в сочинениях Шнитке сосуществует, живет бок о бок.

Многих это раздражает, отталкивает. Им кажется, что, объединяя видимо необъединимое, несъщущееся, композитор над ними издевается. Их ухо не улавливает технической изощренности, с которой "сработаны" партитуры Шнитке, всех спрятавшихся в них подлинных и мнимых цитат, символов, аллюзий и намеков. Вплоть до музыкальных монограмм - зашифрованных в виде нотных мотивов имен самого композитора и его друзей.

Наверное, так и должно быть: секреты композитора - это его дело. Они интересны и важны только для профессионалов. Слушатель остается один на один с музыкой. А музыка Шнитке говорит о подлинных и пугающих эмоциях, испытанных самим автором.

Он часто вспоминает о впечатлениях, произведенных на него "Божественной Комедией" Данте - особенно в той ее части, где говорится о переходе из Ада в Чистилище. Данте, все глубже погружаясь во владения дьявола, внезапно попадает в иную сферу. Из глубин ужаса и отчаяния он чудесным образом переносится в мир надежды. Этот момент перехода от тьмы к свету очень важен, считает Шнитке. Ведь мы буквально каждый день сталкиваемся с той или иной моральной дилеммой. И, увы, далеко не всегда делаем правильный выбор.

Поэтому музыка Шнитке, по мысли композитора, призвана напоминать нам о самой возможности выбора. Важно не терять надежды на реальность перехода от тьмы к свету. Или, по максимуму одного русского писателя, "не терять очарования".

Русский максимализм, таким образом, соседствует в произведениях Шнитке с еврейским скепсисом, окрашенным в густые тона немецкой культурной традиции. Эта "гремучая смесь" кажется такой же немислимой, как столь характерные для музыки Шнитке динамические и стилистические контрасты. Однако без нее не существовало бы феномена Шнитке - "уенной" германской музыки, стремящейся говорить, по русскому обычаю, "от сердца к сердцу". Поэтому, даже и перебравшись из Москвы в Гамбург, Шнитке продолжал ощущать себя русским композитором. Германия, такая заманчивая и родная издали, России ему не заменила.

Сердце самого Шнитке оказалось плохо подготовленным к этой схватке страстей: несколько раз оно сдавало, не выдерживая стресса. Серия инфарктов превратила Шнитке из всюду поспевавшего жизнелюба в немногого гамбургского затворника. Вся оставшаяся в нем жизненная сила сконцентрировалась теперь на одном - сочинении музыки.

Такая фанатическая преданность своему искусству, такое чудовищное упорство... Шостакович когда-то сказал: "Если мне отрубят обе руки, я все равно буду писать музыку - держа перо в зубах". Шнитке во многом является продолжателем Шостаковича. И в этом своем упорстве - тоже.

Удивительно Шнитке чувствует природу инструментов. Исполнитель его музыки ощущает себя актером, получившим шекспировскую роль. Особенно это касается струнных, которые в музыкальном сознании Шнитке доминируют. Может быть, в этом скрывается еврейский элемент в душе Шнитке? Во всяком случае, композитор дает струнным выразить необычайно широкий диапазон эмоций. Поэтому так важен в творчестве Шнитке жанр струнного квартета. Он их написал четыре, в каждом запечатлев свое существование грань своего творчества: в 1966-ом, 1980-ом, 1983-м и в 1989-ом годах. Каждое из этих сочинений - манифест момента. Подобным образом использовал струнный квартет Бетховен, Барток, Шостакович.

Феномен Шнитке, о котором я говорил, был бы невозможен без его работы в кино. В те годы, когда сочинения Шнитке редко звучали в советских концертных залах, музыка для фильмов служила не только отдушиной, но и лабораторией: так композитор мог экспериментировать с новыми идеями и приемами. С некоторыми из кинорежиссеров у Шнитке сложились особенно тесные взаимоотношения, - например, с Ларисой Шепитько. Эта русская

красавица поставила фильмы, вошедшие в золотой фонд русского кинематографа 70-х годов: "Ты и я", "Восхождение", "Прощание". Музыка к ним написал Шнитке. Шепитько погибла в автомобильной катастрофе, когда ей был 41 год. Ее памяти Шнитке посвятил струнный квартет N2. Здесь можно услышать отзвуки величавых древнерусских песнопений. В этой музыке выражена любовь Шнитке к России, ее природе и людям.

Хотя между квартетами N1 и N2 пролегло расстояние в 14 лет, их можно читать как главы одной книги. В первом квартете Шнитке, по тем временам, вызывающе нон-конформен в своем последовательном использовании серийной техники. Это - манифест Шнитке-авангардиста. Не зря партийные чиновники сразу объявили эту музыку "антисоветской". Шнитке, напротив, объяснял, что ему в этом квартете хотелось передать процесс творчества. В кульминации там все внезапно распадается, чтобы в конце вернуться к начальной строгой серии из двенадцати звуков. Прыжок ко Второму квартету грандиозен - не только временной, но и стилистически. А выглядит он абсолютно естественно. Как заметил Давид Харрингтон: "Ты закрываешь последнюю страницу предыдущего квартета, открываешь первую страницу следующего - и понимаешь, что именно эта музыка должна была появиться". Как хрупкий мостик между первыми двумя квартетами воспринимается "Канон памяти Стравиновского", в котором Шнитке воздал должное одному из своих любимых мастеров.

Центральная идея струнного квартета N3 - карнавал музыкальных цитат, знаменующий новый период в творчестве Шнитке: "полистилистический". Здесь можно услышать реминисценции из Бетховена, Орландо Лассо, Шостаковича, Вагнера... Таким образом Шнитке обозначает одну из своих главных тем: судьба западного культурного наследия в наше время. Обычно он приходит к пессимистическим, даже трагическим заключениям. Но в Третьем квартете разнородные венения создают в итоге впечатление удивительного, редкого в музыке Шнитке умиротворения.

Четвертый квартет - заключительный этап путешествия. Вопреки ожиданию, он не принес с собой покоя и гармонии. Напротив, все накопившиеся противоречия вновь стянуты здесь в единый тугий узел. Эта музыка напоминает о фильмах другого русского мастера нашего времени, Андрея Тарковского. Спиритуальным комментарием к ним может служить сочиненный Шнитке несколько позднее Концерт для смешанного хора. В нем Шнитке использовал стихи армянского монаха Григора Нарекаци, жившего тысячу лет тому назад. В своей "Книге скорби" Нарекаци писал о тщете земных усилий. Заметим, что об этом же - последние опусы Шостаковича...

Шостаковича часто называют духовным отцом Шнитке. Это справедливо также и в музыкальном плане, да и во многих других, хотя между двумя композиторами никогда не возникло дружеских отношений. Эта роль - наследника Шостаковича - потребовала от Шнитке предельного морального и психологического напряжения.

Щадить себя российским художникам не положено. Больные проблемы Отечества настаивают их и дуют - даже за границей. Примеров тому много... Но же, когда мы научимся беречь их?

Эдисон Денисов, друг и соперник Шнитке, говорил: "Сочинение музыки - прежде всего труд, тяжелый и утомительный, но, вместе с тем, - радостный". Шнитке с этим не вполне согласен. Он настаивает на роли интуиции, когда композитор не пишет музыку, а как бы "записывает" ее, словно расширявая уже существующую партитуру. В этот момент, по словам Шнитке, композитор подключается к какому-то чудесному источнику вдохновения. Вот почему - добавляет Шнитке - каждое великое произведение кажется слушателю давно знакомым: они его уже "знают", ибо оно существовало "всегда".

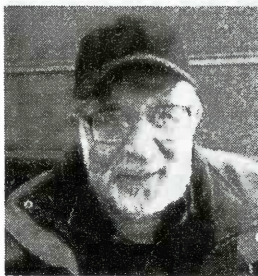
Ювелирная, тщательная, самоотверженная работа самого Шнитке над своими опусами - и это почти наивная вера в Божественное вдохновение: нет ли здесь противоречия? Один из самых интеллектуальных композиторов нашего времени свою жизнь напряженно стремится к тому, чтобы стать сосудом, через который пройдет музыка, ниспосланная свыше. Удалось ли это ему - судить нам, слушателям. Но, устраиваясь поудобнее в кресла перед прослушиванием музыки Шнитке, смеем ли мы забыть о трагических обстоятельствах его биографии?

Я вспоминаю Шнитке в его московской квартире. Это было в конце 1975 года, незадолго до моего отъезда на Запад. Я зашел попрощаться, уверенный в том, что покидаю Россию навсегда. Посидели, выпили. Поначалу грустный, Шнитке постепенно разошелся, повеселел. Таким он мне и запомнился: с рюмкой в руке, хохочущим над новейшим московским политическим анекдотом.

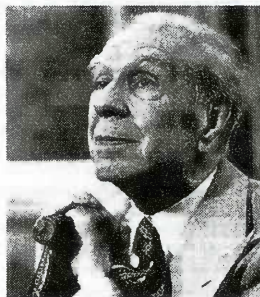
"АЛХИМИК"

Опыт литературоведческого расследования

Леонид Словин
(«Лехаим» № 11, 2009)

Юноша-пастух по имени Сантьяго в своих скитаниях с овцами по зеленым холмам Центральной Португалии всегда брал с собой книгу, которую по возвращении в город обменивал на новую. Постоянное пребывание в мире духовности, близость к природе одарили романтического юношу необычной судьбой. Не каждому суждено встретить в жизни людей, отмеченных печатью Провидения, не каждому довелось ночевать вместе со своей отарой в старом разрушенном храме, не каждому снился сон о кладе, ожидающем за многие тысячи километров своего будущего собственника, и не каждый при подобных обстоятельствах решился бы устремиться на его поиски.

Хорхе Луис Борхес

как оказалось, видел подобный сон о кладе, находящемся как раз в Каире, судя по описанию, во дворе дома бедолаги-путешественника. Отпущенный восвоис Якуб из Магриба возвращается к себе в Каир и получает богатство, а с ним и "благословение Аллаха щедрого и ведающего сокровенное..."

Однако и у "Истории о двух соннидхцах" обнаруживается явный литературный предшественник: произведение Борхеса, в свою очередь, написано по мотивам одной из суфийских притч - "Человек, у которого была необъяснимая жизнь", а ее более известный источник - сказка "Тысяча и одной ночи". Рассказ о багдадце, который увидел сон ("триста пятьдесят вторая ночь"). Тот же сюжет. Некому багдадцу сообщили во сне, что его "достаток" находится в Каире, и, когда он, прибыв туда, засыпает в мечети, с ним происходят те же перипетии, что и с кайром, прибывшим в Исфахан. Знакомые уже персонажи: местные воры, вали (правитель области вилайета), который больно побил бедолагу плетью, признание по поводу приснившегося вещего сна. Кульминация с признанием правителя: "Я три раза видел во сне говорящего мне: "В Багдаде, в таком-то квартале, есть дом такого-то вида, и во дворе его садик, и там водоём, а под ним деньги в большом количестве; отправляйся к ним и возьми их", - и не поехал, а ты по своему малоумию ездил из города в город из-за соннидания, которое тебе привиделось, и это спутанные грезы". Нетрудно догадаться, что сердобольный вали дает багдадцу денег, чтобы тот смог возвратиться домой и под водоёмом обнаружить свое богатство.

В мировой литературе, как известно, совершенно "чистых" сюжетов почти нет. Чаще используется прием написания "по мотивам" того или иного произведения. В связи с историей о соннидхцах вспоминают еще и немецкого писателя-арабиста Густава Вайля, и Карлоса Кастанеду, и аргентинца Биой Касареса, кроме того, существует история-пересказ "немецкого" князя Голицына (в антропологических воспоминательных очерках)...

Я вспомнил об истории Сантьяго, кайрца из Исфахана и его двойника-багдадца, просматривая изданный в Москве детектив "Пауки".

Герой романа - частный российский сыщик, выслеживающий представителей "русской" мафии в Израиле, привлекает себе в помощь одного из друзей и тем навлекает на того беду. Изя Венгер - так зовут друга - становится жертвой разгневанных преступников.

Вот эпизод, вызвавший мой интерес:

"Изя Венгер, находившийся в полубессознательном состоянии, успокаивал жену. Болтал не переставая. От этого женщина беспокоилась еще больше.

- ...В глухой деревушке Косовен в Польше жид бедный еврей по имени Реувен... Слышите? И вот Реувену привиделось во сне, что в Варшаве, под главным мостом через Вислу, закопан клад, золото...

Жена и сестра Венгера знали больше о его состоянии. Сестра, психиатр, умоляла его хоть минуту помолчать, но...

- Подожди! Он пошел в Варшаву и начал высматривать место под мостом. Охрана моста его задержала. Он рассказал свой сон о кладе. "Да разве можно верить снам? - Начальник охраны засмеялся. - Мне тоже недавно приснился сон... В деревне Косовец живет будто еврей по имени Реувен, и у него в доме под печкой закопан клад, чистое золото. Но я же не лезу к черту на рога искать сокровища!" Так вот... Реувен вернулся в свой дом и стал копать. И выкопал из-под печки чистое золото...

- Тебе плохо, Изя? - спросила жена

- Счастье у каждого в доме. Только копать надо глубоко и усердно...

Он впал в забытьё". Что-то это мне напомнило... Ба! Да ведь это та же история! Как она залетела в повесть?

Роман "Алхимик" был переведен на русский язык в 1998 году. Вышел в свет в России в 2002 году. В 2006 году издан на русском языке в Софии.

Роман "Пауки" под названием "Война крыш" был впервые опубликован в газете "Вести" (Иерусалим) на два года раньше - в 1996 году. Переиздан общим тиражом свыше 100 тыс экземпляров. Создатель "Пауков" ничего не знал об "Алхимике". Об этом я свидетельствую - в качестве его автора.

В чем же разгадка?

Полагаю, в существовании ряда параллельных литературных источников, откуда мог быть заимствован этот сюжет, вполне заслуживающий наименования "бродачегго". Один из них - многочисленные "Хасидские истории"...

Так, текст о бедном еврее по имени Реувен из деревни Косовен был в свое время включен в книгу "Кохавеи ор" ("Предрастветные звезды"), изданную обществом "Путь праведника" по распространению учения рабби Авраама бен рав Нахмана из Тульнина, бреславского хасида" в серии "Всегда есть надежда". Однако все говорит о том, что существуют и другие схожие варианты сюжета.

Известный ведущий религиозных передач радио "Свобода" священник Яков Кротов в своей работе "Человек без свойств", в главе первой, "Человек-чудо", пишет, что Мартин Бубер сделал популярной красовскую легенду о том, что синагога Ицхака (построенная в 1644 году раввином Айтзиком Екелесом) построена благодаря чуду.

Екелесу якобы снился сон о том, что под мостом в Праге зарыт клад. (Речь, несомненно, идет о Праге в Варшаве, квартале на нижнем берегу Вислы, хотя некоторые комментаторы смело говорят о Праге в Чехии и тогда называют этот мост "Карловым"). Равнин поехал в Варшаву, но под мостом нашел только полицейского, который посмеялся над стариком и сказал: "А мне каждый вечер снится, что под печкой некоего Айтзика в Кракове зарыт клад. И я не такой дурак, чтобы ехать, искать Айтзика в Кракове, где каждый второй - Айтзик!" Екелес вернулся домой и под своей печкой нашел клад...

В книге "Путь человека в хасидизме" Бубер делает из этого вывод в духе экзистенциализма: смысл существования там, где ты стоишь. Высказывались также мнения, что притча ровно о противоположном, она как раз о том, о чем Бубер писал реже, но глубже: нельзя найти себе помимо другого. Только наличие иного, и радикально иного - как радикально иной католик-полицейский по отношению к иудею-раввину, - делает возможным обретение себя.

В дискуссии на радио "Свобода" было высказано по этому поводу и замечание о том, что не всегда то, что мы видим во сне, опять-таки, повтори, вне зависимости от того, каким образом мы хотим толковать этот сон, носит такой однозначный характер. Если вы видели, что вы сломали ногу, не факт, что вы должны ждать именно этого события. Это может быть более сложная знаковая система, которая говорит вам о чем-то другом.

Есть еще один аспект этой притчи

Почему Г сподь посылает вещей сон о тайне местонахождения клада не одному, а двум, может, и еще большему числу людей? Почему Он не открывает ни Сантьяго, ни Реувену, ни Екелесу, что сокровища у них рядом, почему никому не говорит, что золото - вот оно, у тебя под подушкой? Почему сначала посылает каждого далеко от его дома, чтобы там от другого - тоже избранного, отнюдь не случайного - человека узнать, что клад был у них рядом?!

На то может быть несколько ответов. И вот один из них. Возможно, Г сподь испытывает человека, смотрит, достоин ли он клада. Не исключено также, что Он требует от избранного кандидата вложения труда, преодоления препятствий, физического и морального подвига.

Так ли это?

Но это уже вне пределов данного расследования.

Именно это выпало на долю Сантьяго. Путь заветному месту предстоял далекий - сначала морем, а дальше караванным путем через Северную Африку. И все же юноша решился предпринять рискованное путешествие. Сантьяго продал овец и направился в портовый город, где очень быстро лишился своих денег, став жертвой первого же мошенника, обещавшего ему помощь с билетом на корабль. После этого юноше не осталось другого, как только искать себе работу... В конце концов, за год он собрал достаточно денег, чтобы купить билет и отправиться в дорогу.

Путь через немирную, полную враждующих между собой племен Северную Африку оказался полным опасностей, лишений и трудностей. Тем не менее Сантьяго с каждым днем все ближе к цели своего путешествия. Настал день, когда казалось, что клад - вот он, совсем рядом, но тут юноша неожиданно попал в руки жестоких разбойников, которые приняли его за вражеского лазутчика. Жизнь юноши повисла на волоске, и, скорее всего, он был бы убит, если бы не главарь шайки, которому Сантьяго откровенно рассказал о причине, побудившей его предпринять рискованное путешествие по Черному континенту. Искренняя исповедь юноши нашла отклик в сердце главаря шайки, и тот, посмеявшись над его историей и сжалившись над ним, приказал разбойникам отпустить его с миром. На прощанье главарь признался, что ему однажды тоже приснился клад, который находился где-то далеко, чуть ли не на другом конце земли...
- В Португалии. В старом разрушенном храме...

В отличие от Сантьяго, проснувшись, главарь шайки не бросил все и не помычал на край света за мнимым богатством и славой.

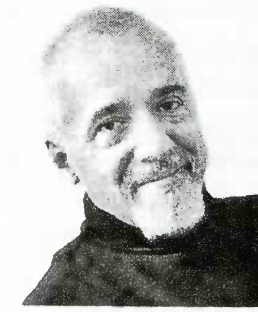
Дальнейшее предсказуемо. Сантьяго возвратился домой в Португалию, в старую разрушенную церковь, где ему приснился вещий сон, погнавший его в далекий путь.

Клад действительно ждал его там!

Философский смысл истории легко прочитывается. Не надо искать счастье на стороне, за тридевять земель. Оглянись: не здесь ли оно, не рядом ли с тобой?

Судьба Сантьяго и его приключения стали сюжетом романа "Алхимик", одного из самых модных современных бестселлеров, приналежащего перу известного бразильского писателя Паоло Козльо. Сегодня "Алхимик" назван самой читаемой в мире книгой, изданной, по одним данным, в ста семнадцати странах мира и переведенной на пятьдесят шесть языков, по другим - ее издали на шестидесяти семи языках в ста пятидесяти странах! Роман Паоло Козльо внесли в Книгу рекордов Гиннеса как книгу, которую переводят больше всего в мире. Общий тираж романа, написанного в 1988 году, составляет 40 млн экземпляров.

Сегодня ни для кого не секрет, что сюжет "Алхимика" почти полностью повторяет "Историю о двух соннидхцах" аргентинского писателя Борхеса - о некоем кайрце

Паоло Козльо

Мартин Бубер

Юрий Каннер

12 - 13 октября в Москве прошел VII съезд Российского еврейского конгресса (РЕК) - ведущей светской еврейской организации России, в работе которого приняли участие представители более пятидесяти региональных отделений РЕК. Ключевой темой повестки дня стала новая стратегия развития РЕК - как организации, выступающей в роли площадки для диалога между всеми еврейскими религиозными и нерелигиозными структурами России. И воплощением этой стратегии стало избрание в Президиум Российского еврейского конгресса представителя Федерации еврейских общин России (ФЕОР), Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России (КЕРООР), Евразийского еврейского конгресса (ЕАЕК), Федеральной еврейской национально-культурной автономии (ФЕНКА), между которыми существуют непростые отношения. Это стало первым серьезным шагом к возможности конструктивного диалога, возможности сближения позиций, разрушения барьеров, разделяющих еврейские общины на постсоветском пространстве. На съезде выступили президент РЕК Юрий Каннер, глава Общественного совета РЕК Евгений Сатановский, президент Всемирного конгресса русскоязычного еврейства (ВКРЕ) Борис Шлигель, президент ФЕНКА

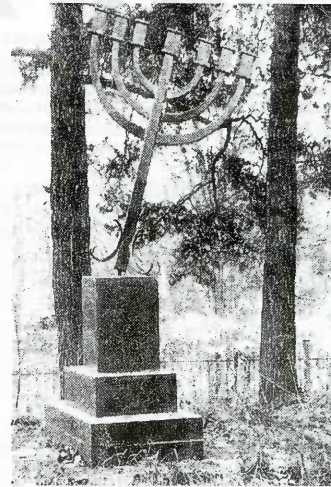
Михаил Скоблионок, член Президиума РЕК, глава Адвокатской палаты Москвы Генри Резник, генеральный секретарь ЕАЕК Михаил Членов, главный раввин России Адольф Шаевич и другие. В течение двух дней работы съезда состоялись заседания круглых столов на тему развития общинной жизни, вопросов борьбы с антисемитизмом, еврейского образования в России, академической иудаики. Нашу общину на съезде представлял Дмитрий Цвибель.

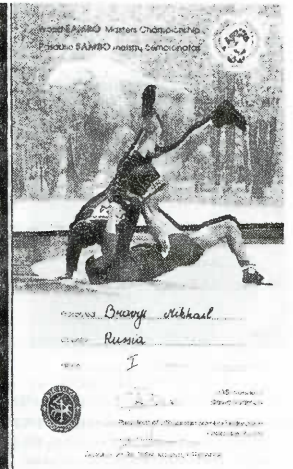
Наша община провела дневной семинар для детей и молодежи, подготовленный Людмилой Гринберг и Лерой Нестерук. В программе семинара, прошедшего в Центре национальных культур РК, были рассказ о ЦАХАЛе и викторина по традиции; размышления о смысле осенних праздников и объяснение принципов еврейского комментария на примере обычного мультяка; притчи, песни. А Наталья Гуль всего за полчаса сумела разучить несколько танцев с участ-

никами и организаторами семинара. Семинар получился интересным, поучительным, и вместе с тем, веселым и непринужденным. Хочется надеяться, что такие семинары будут продолжены и привлекут к себе много новых участников.

Очередной раз был совершен акт вандализма на старом еврейском кладбище в Петрозаводске. Неизвестные повредили памятник знаку МЕНОРА, пытались его вырвать с постамента. Этот памятник, установленный общиной в память жертв советских репрессий и тех, чьи могилы были варварски уничтожены уже в послевоенное время, неоднократно подвергался нападкам. На этот раз правоохранительные органы пообещали серьезно заняться этой проблемой и найти виновных.

DIPLOMAS

С чемпионата Мира по борьбе самбо среди мастеров, проходившем в Каунасе 23 - 24 октября, с блестящей победой вернулся Михаил Бравый. В серьезной борьбе, собравшей более 200 участников из 16 стран, Михаил завоевал звание Чемпиона мира. Михаил Бравый - активный участник еврейского движения Карелии, первый директор Благотворительного фонда Хэсэд Агамим, ответственный секретарь Попечительского совета общины. Община искренне поздравляет с победой Михаила Бравого и его тренера - Президента Федерации самбо и дзюдо Республики Карелия Илью Шегельмана! Нашей общине есть кем гордиться!

Наша кухня

Поджарка из индейки с овощами

400 г филе индейки, 50 г муки, 4 картофелины, 2 яблока, 100 г сухого белого вина, 2 красные луковицы, 1 сладкий перец, 2 веточки укропа, 1 ч. л. сухого тимьяна, 2 ст. л. картофельного крахмала, 4 ст. л. подсолнечного масла, черный перец.

Муку просеять в глубокую миску, добавить щепотку соли. Филе индейки без кожи и костей нарезать брусочками, обвалять в подсолненной муке. В сковороде разогреть половину растительного масла, положить индейку, обжаривать 2-3 мин., время от времени осторожно помешивая. Лук очистить, нарезать полукольцами. Сладкий перец вымыть, очистить от семян и нарезать треугольниками. Добавить подготовленные овощи в сковороду с индейкой и обжаривать еще 3 мин. В готовящуюся поджарку влить белое вино, всыпать сухой тимьян и тушить 2 мин. Снять с огня. Сохранять теплым до подачи на стол. Яблоки вымыть, удалить сердцевину, нарезать тонкими дольками. Картофель хорошо промыть, удалить все поврежденные участки поверхности, вырезать глазки, разрезать на дольки, не очищая от кожуры. Обвалять подготовленные яблоки и картофель в крахмале. Стряхнуть излишки крахмала. В другой сковороде разогреть оставшееся растительное масло, небольшими порциями обжаривать яблоки и картофель до образования золотистой корочки. Выложить на тарелку дольки овощей, сверху - поджарку из индейки. Подать, посыпав мелко нарубленным укропом.

Традиционный мясной цимес

(4 - 6 порций) 1 столовая ложка растительного масла, 900 г говяжьей лопатки, нарезанной на кубики размером 2,5 см, или говядины для рагу, 2 большие нарезанные головки репчатого лука, 4 большие моркови, нарезанные на кусочки размером 2,5 см, 1/2 чайной ложки соли, 3 - 4 стакана воды, 700 г картофеля, нарезанного кубиками, 1/4 стакана коричневого сахара или меда, щепотка молотого черного перца, 220 г чернослива без косточек, 1 столовая ложка пшеничной муки.

Поставьте огнеупорную кастрюлю на средний огонь. Нагрейте в ней масло. Тщательно, со всех сторон, обжарьте в масле мясо порциями. Выньте из кастрюли. Добавьте лук и пассируйте, пока он не подрумянится. Положите мясо в кастрюлю, добавьте морковь и соль. Залейте водой. Доведите до кипения, изредка снимая накипь. Закройте кастрюлю крышкой и варите на слабом огне 1 час. Пару раз снимите накипь.

Через час добавьте картофель, сахар и перец. Осторожно перемешайте. Опустите овощи в жидкость. Доведите до кипения. Прикройте кастрюлю крышкой и варите на слабом огне минут 30. Пока овощи варятся, замочите чернослив в горячей воде и оставьте в ней на 30 минут.

Осторожно перемешайте рагу. Выньте чернослив из воды. Жидкость не выливайте. Положите чернослив в кастрюлю, снимите с нее крышку и варите 30 минут или до тех пор, пока мясо не станет мягким. Изредка осторожно перемешивайте.

В маленькой миске смешайте муку с 2 столовыми ложками жидкости, в которой замачивался чернослив. Постепенно добавляйте примерно 1 стакан отвара из рагу. Добавьте смесь в рагу, осторожно перемешайте и варите минут 5 или до тех пор, пока цимес не загустеет. Попробуйте, хватаст ли соли и перца. На стол подавайте горячим в глубокой сервировочной миске.

(Вы можете сделать рагу заранее, за 1 - 2 дня, и хранить его в холодильнике. Разогревайте цимес в закрытой кастрюле в духовке при температуре 150° С.)

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

МУЗЫКА СДУВАЕТ С ДУШИ
КАЖДОДНЕВНУЮ ПЫЛЬ

Б. Ауэрбах

ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ГРАБЕЖОВУ Хасю Ароновну
КАЗАНСКУЮ Инну Александровну
КОБЕЛЕВУ Фаину Антоновну
НИКИТЕНКО Сталину Ильиничну
ПАЛКИНУ Зинаиду Николаевну
СЛУЦКУЮ Людмилу Ильиничну
ФУКСОВУ Нину Николаевну
ГУДКОВА Света Викторовича
КОВАДЛО Ефима Абрамовича
ПЛОТКИНА Наума Нассоновича
СЛАВУТСКОГО Николая Григорьевича
ХАЗАНА Льва Михайловича
ШАХНИКА Семена Григорьевича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой
"Принт", 185035, Петрозаводск, пр. Гоголя, 28,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.